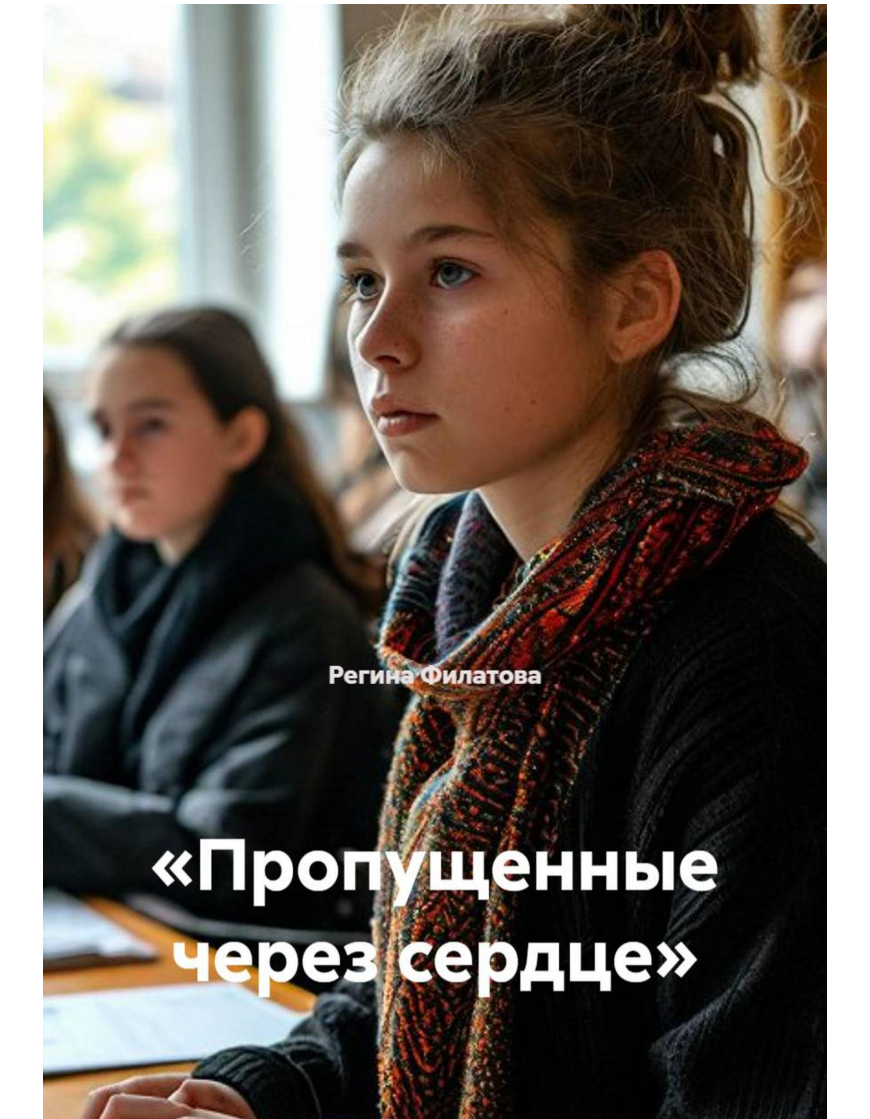

A young woman with light brown hair tied back, freckles, and blue eyes is shown in profile, looking out of a window. She is wearing a dark sweater and a vibrant, patterned scarf with red, black, and white designs. In the blurred background, another student is visible, and natural light streams in from the window.

Регина Филатова

«Пропущенные через сердце»

Регина Филатова

«Пропущенные через сердце»

<https://litres.ru/74309399>

SelfPub; 2026

Аннотация

Быть куратором в колледже и отвечать за детей-сирот — это не просто перебирать бумажные отчеты в тихом кабинете. Это значит каждый день пропускать через себя чужие судьбы, сталкиваться с равнодушием системы и принимать решения, от которых зависит будущее маленьких людей.

В этом сборнике Регина Викторовна впервые открывает изнанку своей прошлой работы. Здесь собраны реальные, пронзительные, а порой шокирующие истории о человеческой стойкости, слепой преданности, предательстве и настоящем выборе.

Первая история — «Зимнее разочарование» — доступна для бесплатного чтения. Вы узнаете, как молодой куратор в свой первый рабочий год столкнулась с ночной пропажей двух воспитанниц в курортном городе. А затем познакомитесь с другими судьбами

Книга публикуется в процессе написания. Новая реальная история из жизни — каждую неделю. Оформите подписку, чтобы пройти этот путь вместе с автором!

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Регина Филатова

«Пропущенные через сердце»

Глава 1

Зимнее разочарование

Дисклеймер: Все истории в данном сборнике вдохновлены реальными событиями и судьбами людей, с которыми автора сводила жизнь. Однако в целях защиты конфиденциальности все имена, фамилии, даты, возраста, семейные детали и места действия были изменены. Любые совпадения с реальными людьми являются абсолютно случайными.

Здравствуйте. Меня зовут Регина Викторовна, и я хотела бы поделиться своим пятилетним опытом работы с детьми — детьми-сиротами, которые по воле судьбы остались без попечения родителей.

За эти годы через мое сердце прошли десятки казенных судеб. Было всё: и тихие трагедии, и моменты абсолютно-го счастья, и жестокие уроки человеческой неблагодарности. Но первую историю, которой я хочу открыть этот сборник, я посвящаю случаю, который произошел в самом начале моего пути.

Я только-только пришла работать в колледж после института — совсем молоденькая, неопытная девчонка. Поначалу подопечных у меня было немного, поскольку наше учебное заведение принимало ребят уже взрослых, после одиннадцатого класса или после ПТУ. Да и само направление колледжа было сугубо мужским, поэтому учились у нас в основном мальчишки. Девочек в моей группе было, конечно, намного меньше, чем парней. Но я помню всех. И если уж говорить по душам, то рассказать я хотела бы именно о Лилии Воробьёвой. Потому что с ней у меня сложилась особенная, почти сестринская связь.

В силу своего возраста я не могла смотреть на неё как мать. Я видела в ней младшую сестру. Оставшиеся без родительского тепла, она быстро разглядела во мне близкого человека. Лилия часто приходила ко мне в кабинет, просто сидела рядом, делилась какими-то девичьими мыслями. Скажу честно: я в ней души не чаяла. Каждый день, без исключений, я бегала проводить своих подопечных и особенно её. Следила, чтобы они были сыты, тепло одеты и ни в чем не нуждались. Всё шло просто замечательно.

Но наступил декабрь. Руководство выделило для всех наших студентов-сирот путевки, и нас большой группой отправили на море — отдохнуть и подышать южным воздухом в течение десяти дней. Я поехала вместе с ними как сопровождающая и ответственное лицо.

Уже в самый последний день поездки я бегала по этажам

санатория, проверяя, все ли ребята на месте перед завтрашним отъездом. Студенты некоторые, к сожалению, в ту ночь выпивали, но хотя бы тихо, у себя в номерах — и я физически ничего не могла с этим сделать, лишь бы были в безопасности. Зайдя в комнату к девочкам, я обнаружила, что Лилии и её соседки Маши в номере нет. На кровати сидела только третья девочка, Юля — они жили втроем.

— Юля, а где Лилия и Маша? — встревоженно спросила я. — А они куда-то ушли, — буркнула та в ответ. — Куда ушли?! Время — ночь, завтра мы уезжаем, куда они подевались в чужом городе? — Не знаю, я им не мать, передо мной они не отчитываются, — отрезала Юля.

Я вышла в коридор, судорожно набирая номера девочек на мобильном. У обеих «Абонент временно недоступен», — бездушный механический голос в трубке только подлил масла в огонь. Это было ужасно. Я просто не знала, что делать. Паника за двоих моих девчонок полностью накрыла меня. В полном отчаянии я спустилась на ресепшен санатория. Администратор лишь равнодушно пожала плечами: «Мы, конечно, можем вызвать полицию, но поиски начнут только спустя сутки. Ждите».

Время тянулось невыносимо медленно. В голову лезли самые страшные мысли сразу обо всех возможных опасностях для двух девчонок в курортном городе. Полночь — их нет. Час ночи, два, три... Несколько старших ребят-студентов не легли спать, видя моё состояние. Они сидели со мной

в вестибюле, пытались как-то успокоить, кто-то даже принес валерьянку. И вдруг эту изматывающую тишину разорвал громкий, беззаботный женский хохот прямо за окнами. По интонации я мгновенно узнала голоса Лили и Маши.

Мы всей толпой выскочили к дверям вестибюля. Охранник сначала заартачился, не желая открывать запертые на ночь двери, но, увидев мое безумное лицо и решительно настроенных рослых парней у меня за спиной, торопливо повернул ключ в замке.

Наши мальчишки сразу набросились на пришедших. Оказывается, Лилия и Маша шли в компании двух местных парней. Мои студенты, даже не разобравшись, в чем дело, из защитного порыва мгновенно сцеплялись в живой клубок, началась яростная драка и потасовка. Перекрикивая шум, я кое-как перехватила девчонок, затолкнула их в холл гостиницы, а сама на одном дыхании бросилась обратно на улицу — разнимать дерущихся мальчишек. Кое-как нам удалось растащить их друг от друга.

За Машу я, конечно, тоже безумно испугалась, но от нее такого поведения подсознательно ожидала — в колледже все знали, что Маша любит погулять с мальчиками. Но от Лили... От моей тихой Лили я этого не ожидала совершенно.

Уже потом, после возвращения, ребята из группы открыли мне глаза, рассказав, что у Лили на самом деле тоже всегда было очень много парней. Сначала во мне вскипела обида за свой напрасный страх и валерьянку в вестибюле. Но

потом пришло горькое понимание. Девочки из детских домов часто слишком рано вступают в близкие отношения с мужчинами. И делают они это вовсе не потому, что легкодоступны или испорчены. Просто они всю жизнь лишены родительского тепла и подсознательно ищут защиту, поддержку и хоть какую-то иллюзию любви. И Маша, и Лилия оказались из числа таких недолюбленных, отчаянно ищущих тепла девчонок.

Отношение к Лиле у меня изменилось. Прежнего слепого обожания и теплых, доверительных отношений больше не было. Наш девичий мир треснул. Вскоре наступили новогодние праздники, и Лилия уехала на каникулы к своей тетке в село.

Но на этом история не закончилась. Вернувшись с праздников, Лилия внезапно заявила, что хочет перевестись в местный сельский колледж — у них там как раз было нужное отделение. Я лично пообщалась с ее тетей, пытаясь отговорить их и понимая, что там она забросит учебу. Тетя оказалась совсем молоденькой девушкой. Я со скрипом в сердце понимала, что в этой глуши Лилия просто пропадет. Но девочке на тот момент уже исполнилось восемнадцать лет. Законных оснований препятствовать ее переводу у меня не было, и я была вынуждена согласиться и подписать документы. Наша связь оборвалась.

Прошел ровно год. Дверь моего кабинета открылась, и на пороге снова появились Лилия и её молодая тётя. Но на ру-

ках Лиля держала крошечного ребенка.

Оказалось, в те самые прошлые новогодние праздники в селе она познакомилась с молодым человеком. У них быстро завязалась близость, за которой последовала ранняя беременность и поспешная свадьба — именно ради этого парня она тогда так отчаянно рвалась перевестись. Но судьба оказалась жестока: их новорожденный ребенок скончался. Вскоре после этой трагедии брак распался, и муж ушел.

Однако Лилию это не остановило. Не знаю, как ей одобрили органы опеки, кто там подсуетился и какие документы они собрали, но Лилия пошла в детский дом и взяла оттуда приемного ребенка — взамен того малыша, которого она потеряла.

Ко мне в колледж они с тетей приехали лишь потому, что Лиле потребовались некоторые архивные справки для оформления социальных выплат и субсидий. Я смотрела на нее и не узнавала. Передо мной сидела уже не та милая юная девушка. Это была измученная, уставшая женщина с младенцем на руках, у которой за плечами была огромная трагедия, а впереди — полная жизненная неизвестность.

Мы оформили все документы, они тихо попрощались и уехали обратно в свое село. Больше мы никогда не общались, и связь с ней оборвалась навсегда. Но этот урок я запомнила на всю жизнь: порой за маской легкомыслия скрывается такая отчаянная, изламывающая человека жажда быть кому-то нужным, ради которой люди готовы сжигать свое будущее

дотла.

Глава 2

НО Я ЕЕ СЕМЬЯ

Дисклеймер: Все истории в данном сборнике вдохновлены реальными событиями и судьбами людей, с которыми автора сводила жизнь. Однако в целях защиты конфиденциальности все имена, фамилии, даты, возраста, семейные детали и места действия были изменены. Любые совпадения с реальными людьми являются абсолютно случайными.

Лето. Выпускники уже защитились и получили дипломы, первый курс ещё только готовился к поступлению, а старшекурсники разъехались кто куда — к родственникам или на подработки. В коридорах учебного заведения стояла непривычная, почти звенящая тишина.

Я сидела в своём кабинете, блаженно перебирала бумажные отчёты и никуда не торопилась. Для человека, который отвечает за казённых детей-сирот, такие спокойные минуты без форс-мажоров — настоящая роскошь. Помню, за окном шумела листва, и я просто наслаждалась моментом.

Вдруг дверь кабинета приоткрылась. На пороге появилась Кристина — моя выпускница. Хорошая, добрая девочка, с которой у нас всегда были отличные отношения. Я улыбнулась, готовая поздравить её с началом взрослой жизни, но по её лицу сразу поняла: что-то идёт не так. Она едва сдерживала слезы.

Я отложила бумаги в сторону:

— Привет! Проходи. Садись, рассказывай, что случилось?

Кристина прошла к стулу, присела. Было видно, как сильно она волнуется. Ломая пальцы, она тихо произнесла:

— Регина Викторовна, тут такое дело... Вы не могли бы доехать со мной?

Я удивлённо посмотрела на неё:

— Куда? Что случилось?

И она рассказала. Историю Кристины я знала хорошо. Её мать давно лишили родительских прав. У Кристины оставалась младшая сестрёнка, и Кристина твердо планировала после выпуска забрать её к себе. Сестра как раз поступала в колледж — правда, не в наш, а в другой. У Кристины был молодой человек, который благородно согласился и не возражал, чтобы девочка на время учёбы жила вместе с ними.

С матерью они, естественно, не общались. Но буквально пару часов назад Кристине позвонили из органов опеки. Оказалось, горе-мать снова родила ребёнка. И снова написала отказную прямо в роддоме. По закону младенца в первую очередь обязаны предложить забрать близким родственникам. Младшая сестра ещё несовершеннолетняя, а Кристине уже исполнилось 22 года. Ответственность легла на неё. Опека требовала ответа прямо сейчас: забирает она новорожденного себе или пишет официальный отказ?

И Кристина умоляла меня поехать с ней.

Мы быстро нашли выход. Позвонили нашему же студенту

Олегу, который был неподалёку на машине. Он без лишних вопросов согласился довезти нас до места.

Всю дорогу в машине стояла звенящая тишина. Каждый думал о своём. Честно говоря, со мной такое случилось впервые за всю практику. Я просто не знала, как правильно реагировать и что ей говорить. Девчонке всего 22 года. Своего угла нет — она стоит в очереди на жильё для сирот, но квартиру пока не дали. Прямо сейчас они с парнем живут на съёмной. На руках скоро будет сестра-студентка, а теперь ещё и младенец... Но, глядя на Кристину, я видела: несмотря на подступающие слёзы, она была абсолютно тверда в своём решении забрать ребёнка.

Мы доехали быстро. Машина остановилась, и мы зашли внутрь здания. На стенах в холле висели стенды с фотографиями детей: большими и маленькими. В основном с карточек смотрели подростки и ребята постарше. Опыт подсказывал, что детей в таком возрасте усыновляют неохотно и достаточно редко.

Мы прошли дальше по коридору. Нас встретила пожилая сотрудница — женщина с суровым, уставшим лицом, явно не расположенная к сантиментам.

— Я по поводу ребёнка, — тихо, но уверенно произнесла Кристина.

Женщина окинула её тяжелым взглядом:

— А, Кравцова? Проходи, садись. Вон образец на столе — пиши отказ.

Кристина опешила, в глазах мелькнуло непонимание:
— Какой отказной? Я хочу забрать сестрёнку с собой.

Сотрудница опеки даже бровью не повела, её голос стал ещё жестче:

— В смысле забрать? Пиши, что я тебе сказала.

Тут женщина наконец заметила меня, стоявшую чуть позади. На её лице отразилось явное недовольство:

— А вы кто ещё такая?

— Я её представитель, — спокойно, но твердо ответила я.

— И что с того? — буркнула она.

Ситуация накалялась, Кристина едва сдерживала эмоции. Нужно было срочно перехватывать инициативу.

— Давайте мы с вами отойдём и поговорим отдельно, — предложила я сотруднице, стараясь говорить максимально конструктивно.

Мы отошли в сторону от Кристины.

— А что говорить? — пожала плечами женщина. — Обычно у таких родителей и дети такие же. Чего тут ждать?

— Ну, вы зря так, — мягко, но уверенно возразила я, вспоминая, какой хорошей девочкой росла Кристина. — Скажите лучше, почему вы так настаиваете именно на отказе? Должна же быть какая-то веская причина?

Мой спокойный тон подействовал. Суровость сотрудницы опеки немного померкла. Она вздохнула и заговорила уже совершенно другим — более ровным, человеческим и уставшим тоном:

— Да, причина действительно есть. Эту малышку хотят удочерить. Опекуны на неё уже нашлись, понимаете? Очень хорошая, обеспеченная семья. Они долго этого ждали. У девочки там будет прекрасное будущее, отличный старт в жизни. Но есть ещё одна причина... Её мать была алкоголиком. В результате девочка родилась с множественными патологиями.

В коридоре как будто стало ещё тише. Эти слова прозвучали как приговор. В один миг всё встало на свои места. Одно дело — забрать здоровую сестрёнку и растить её на съёмной квартире. И совсем другое — взять на себя ребёнка со сложными, тяжёлыми диагнозами, требующими бесконечного лечения, реабилитаций и огромных денег.

— Очень серьёзные патологии? — тихо переспросила я.

— Да, очень серьёзные, — кивнула сотрудница опеки. — Девочка сама не справится, поверьте моему опыту. Там нужны огромные деньги, чтобы ребенку постоянно оказывали дорогостоящее лечение. Кристина просто сломает себе жизнь, и младенцу не поможет.

Я поняла, что Кристина настроена решительно. Мягкие доводы на неё не действовали, и мне пришлось наступить на горло собственной жалости. Я вернулась к ней, села рядом.

— Ну хорошо, давай я попробую поговорить с ней, — сказала я сотруднице.

Я начала издавека:

— Кристина, ты же знаешь, как тяжело ухаживать за ребён-

ком, особенно за таким маленьким? А ты ведь как раз сама собиралась учиться дальше. Плюс у тебя есть работа. Как ты будешь всё это совмещать? Ты уже берёшь к себе младшую сестру. Это огромная ответственность и нагрузка для твоего молодого человека. Ты с ним до конца посоветовалась?

Кристина молчала. Она опустила голову, её плечи дрожали.

— Но, Регина Викторовна... — наконец тихо выдохнула она. — Но это же сестрёнка... родная...

«Надо говорить правду», — подумала я и решилась:

— Кристина, послушай меня. Её уже хотят удочерить. Пока ребёнок находится в таком крошечном возрасте, у него есть огромный шанс попасть в хорошую семью. И вот у твоей сестры этот шанс прямо сейчас появился. Опекуны уже нашлись, понимаешь? Там обеспеченные люди, они смогут дать ей всё.

Кристина резко подняла на меня полные слёз и упрямства глаза:

— Но я — её семья!

— Понимаю, Кристин... Но малышка больна.

— Чем... чем больна? — взгляд стал испуганным.

— У неё очень серьёзные, множественные патологии. Чтобы её выходить, нужны очень хорошие деньги, хорошие специалисты, постоянные реабилитации. Кристин, я всем сердцем понимаю, что ты очень хочешь забрать ребёнка. Но давай сейчас снимем эгоизм и подумаем, что будет лучше

для неё самой?

Я замолчала, давая ей время. Кристина долго сидела неподвижно, сглатывая подступающие слёзы. Наконец она подняла голову и тихо, с трудом выговаривая слова, спросила:

— Хорошо... Я напишу отказную. Но... можно мне хотя бы изредка навещать её и узнавать у опекунов, как у неё дела?

Суровая женщина, лицо которой теперь стало намного мягче, грустно посмотрела на неё и покачала головой:

— Извини, девочка, но нет. Это закрытое усыновление. По закону мы не имеем права разглашать, кто опекуны. Это тайна. Поэтому у тебя не будет возможности ни увидеть её, ни узнать, где она и с кем.

Эти слова прозвучали как окончательный приговор. Кристина снова заколебалась, глядя на чистый лист бумаги.

— Кристин, — мягко сказала я, положив руку ей на плечо. — Нужно принять правильное решение для её же блага. Ты делаешь это ради неё. Чтобы у неё был шанс вылечиться и жить.

Она на секунду замерла, а затем решительно смахнула слёзы и начала писать. Строчка за строчкой. На удивление, написала она всё достаточно быстро — будто боялась, что если остановится хоть на мгновение, то передумает. Понимая, что моя профессиональная выдержка вот-вот треснет, я тихо поднялась и вышла в коридор, не в силах больше сдерживать собственные эмоции.

Через несколько минут Кристина вышла ко мне. Бледная,

опустошённая, но собранная. Мы молча спустились к машине, где нас ждал Олег. И всю обратную дорогу в салоне снова стояла звенящая, тяжелая тишина.

На тот момент Кристина уже выпустилась, и конкретно после этого случая мы больше никогда с ней не виделись и не общались. Наверное, и ей, и мне было слишком тяжело вспоминать то, что произошло тогда в кабинете опеки.

Однако она до сих пор есть у меня в друзьях в социальных сетях. Изредка я заглядываю на её страницу и тихо радуюсь. Жизнь у неё сложилась хорошо. Тот самый молодой человек стал её мужем, они вместе прошли через все трудности, и сейчас у них растут двое прекрасных детей.

Глядя на её счастливые семейные фотографии, я каждый раз вспоминаю тот жаркий летний день, суровую женщину из опеки и звенящую тишину в машине. И я верю, что где-то там, в другой семье, растёт её сестрёнка, которой Кристина когда-то подарила шанс на жизнь.

Если эта история вас зацепила, следующая глава — «Розовые щёчки» — уже ждёт вас. Это одна из самых тёплых и самых грустных историй в этом сборнике.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.